

— Фуума Сюрикен! Гинпачи начал бой, следуя предпочитаемой Аметатсу начальной стратегии. Это было хорошо. Метание сюрикенов редко решало исход боя, но они очень ресурсоэффективно заставляли оппонентов показывать свои защитные навыки. Для большинства ниндзя, подумалось Аметатсу, было бы безумием нападать на видящего их врага на более высокой позиции (все обелиски располагались на холмах, скорее всего, намеренно), но Команда Земля, Ветер и Огонь знала, как противостоять преимуществам вражеских пользователей тайдзюцу, и враг, владеющий оружием, был слишком истощён высасыванием чакры, чтобы представлять серьёзную угрозу. Хьюга сделал то, чего и ожидал Аметатсу, и поднырнул под огромные лезвия вражеского снаряда, когда тот пролетел над его головой и дальше. Пользователь Бьякугана мог себе такое позволить, безопасно зная, что не было никаких взрывных печатей, нитей чакры или других неприятных сюрпризов, прикрепленных к сюрикену. Но это было лишь начало. — Элемент Ветра: Удалённое Управление! Фуума-сюрикен Гинпачи, всё ещё бешено вращаясь, внезапно сменил направление и полетел обратно в Хьюгу, неестественно ровно, словно поддерживаемый невидимыми руками. Его цель приняла широкую стойку, повернула торс... — Небесное Вращение! Вот это уже было что-то стоящее. Вращающееся поле отталкивающей чакры полностью покрывало область вокруг использующего технику. Достаточно интенсивное, чтобы быть видимым невооружённому глазу, и достаточно быстрое, чтобы казаться почти твёрдым, оно было способно отражать любые физические атаки, и, возможно, нейтрализовать также и ниндзюцу. Техническим термином было «абсолютная защита», крайне редкая категория защиты, которую нельзя было пробить обычными методами. Победить противника с такими умениями — уже было достойно рассказов, когда он вернётся обратно в деревню. И когда Сера увидела некий плюс, который давала им его стратегия... — Гинпачи! Вращай в другую сторону! Фуума-сюрикен стал кружить вокруг силового поля Небесного Вращения в обратную сторону, словно две шестерёнки сцепились друг с другом. Собственная техника Хьюги ускоряла оружие Гинпачи, поставив его в такое положение, что в какой-то момент оно будет достаточно быстрым, чтобы прорезать сквозь щит — но Хьюга не мог и отменить технику, чтобы не быть мгновенно разрубленным лезвиями. — Цучидо, сейчас! — Элемент Земли: Техника Смерти Из-под Ног! Сера исполнила одно из своих прекрасных атлетических ныряний в землю. Аметатсу не видел, как она закапывалась, но он мог высчитать её траекторию, и, конечно, пользователь Бьякугана видел её напрямую. Аметатсу не знал, распространялось ли Небесное Вращение хоть на сколько-то под землю, но даже так он не смог бы отразить атаку, от которой не мог отойти. Если враг уберёт щит, чтобы разобраться с Серой, Гинпачи покрошит его в салат. Если он оставит его, апперкот Серы и последующее воздушное комбо заставит Хьюгу пожалеть о его выборе. *** Внезапно Фуума-сюрикен вырвался со своей орбиты, пролетел к куноичи чуть позади Неджи, сделал несколько элегантных оборотов вокруг неё и наконец глубоко вошёл в близлежащее дерево. Показав ошеломляющую точность (или удачу), она, похоже, зацепила серпообразной частью своей кусаригамы дыру в центре сюрикена и затем с помощью цепи утянула его назад. Девушка пару секунд изучала оружие Гинпачи, и выдохнувшись, но счастливым голосом объявила: — Подлинный девяносто пяти сантиметровой Фуума-хира-сюрикен, железный песок с 0,9%-ным содержанием углерода, острия стиля Хикари... спасибо! Не подверженный более угрозе растерзания сюрикеном, Хьюга прекратил Небесное Вращение и отскочил. Теперь он сам мог устроить засаду Сера, которая не подозревала о нынешнем развитии событий, когда она вылезет из-под земли. К счастью, Аметатсу, конечно же, был готов к этому, и теперь он сможет сам персонально спасти её. Он даже сделает это с помощью специализированной метательной техники, которой она, иногда использующая оружия, научила его сама. — Тсучидо, План Отхода Б! Хьюге пришлось отпрыгнуть в сторону от тучи кунаев, брошенных по идеальной дуге через холм. Но он был достаточно умён, чтобы не попытаться снова использовать Небесное Вращение, и теперь был готов контратаковать. Тем не менее, кунаи дали время Сера поставить несколько диагональных Земляных Стен на склоне холма, чтобы замедлить его продвижение, пока Гинпачи готовился воспользоваться тем фактом, что Хьюге

придётся отступить выше по холму, чтобы уклониться от горизонтально направленной атаки от Элемента Ветра. Тем временем следующий ход для Аметатсу был очевиден. Со скоростью, рождённой сотнями безуспешных забегов с Гинпачи, Аметатсу обежал отвлечённого Хьюгу, появился перед куноичи-оружейницей, и начал формировать печати. Все шиноби с детства учились почитать своих предков, но они также и были вынуждены жить с ошибками этих самых предков — в частности, те думали, что это хорошая идея — указывать специализацию своей семьи в имени своего клана. «Демон Ветра» Фуума, «Залы Земли» Тсучидо и «Дух Огня» Кагами предлагали не слишком много сюрпризов для врага. Именно поэтому Аметатсу был ни на йоту не удивлён, когда куноичи достала большой укреплённый веер с защищённой от тепла рукоятью. Он не мог видеть текущий сквозь него тонкий слой чакры, но знал о его наличии. Сера как-то раз ему объяснила, с некоторой радостью, что в руках специалиста по оружию с хорошими рефлексамми такой объект мог быть использован, чтобы отразить большинство огненных техник. Годы насмешек от других членов Клана Кагами, и регулярные разочарованные взгляды от своего отца, словно он сам выбрал родиться таким, почти возмещались вот такими моментами. Аметатсу научился смаковать их. — Элемент Воды: Масса Вязкой Воды! У куноичи, готовой к отражающему движению, не было времени (или, конечно, чакры), чтобы полностью увернуться, прежде чем она и её веер оказались покрыты липким гелем и надёжно приклеены к дереву. Если у врага не было доступа к специальному растворяющему ниндзюцу, она надёжно выбыла из этого боя. *** Аметатсу повернулся. Сера была под сильным давлением, Хьюга всё больше наблюдал и распознавал ритм ударов Элемента Ветра Гинпачи, всё ещё сохраняя фокус на другой цели. Не проблема. Он точно знал, какая их техник Гинпачи, скоординированная со своей собственной, позволит ему развернуть ситуацию с свою сторону. — Гинпачи, используй... Всё вокруг кануло в темноту. *** Неджи наблюдал, как это произошло, как и сотни раз до этого. Рок Ли, чья скрытность и скорость были почти настолько же хорошо натренированы, как и его тайдзюцу, позволил врагам забыть о себе до самого последнего момента, в который он избавился от стратега Скрытой Травы одним ударом по затылку. Ли, может, и был дураком, но Гай-сенсей им не был. Он с самого начала знал, что Ли умрёт, не умея блокировать или отражать ниндзюцу и гендзюцу. Так что Гай-сенсей терпеливо объяснял, достаточно много раз, что Ли не может быть бойцом на передовой, не может позволить себе быть целью врага ни при каких обстоятельствах. Изначально была идея превратить Ли в мастера по оружию, как Тентен, но он мало чего мог достичь без способности к использованию техник запечатывания оружия. Но как можно поместить бойца ближнего боя без вспомогательных умений в роль поддержки? Потребовалось значительное время, чтобы вычислить правильный подход, и определённое количество компромисса между прагматизмом и безумными нетипичными для шиноби понятиями о чести Гая-сенсея и Ли. В конце концов Ли стал чем-то вроде благородного ассассина, фигурой, которая исчезает из внимания врага, чтобы затем неожиданно сокрушить их своим превосходящим рукопашным мастерством (а не чем-нибудь разумным, например, ядом). С помощью своего Бьякугана Неджи проследил, как Ли снова испарился на другой стороне холма и начал прокладывать свой невидимый путь к следующей цели. На этот раз Фуума будет тем, кому предоставится невозможный выбор: продолжить фокусироваться на Неджи, зная, что где-то ждёт малейшей возможности для атаки скрытый враг, или повернуться для поиска Ли, оставив Неджи свободу действий, необходимую для обезвреживания куноичи Элемента Земли. *** Худшим моментом из всего этого, по мнению Неджи, было избавление Тентен от прилипчивой массы после боя. Каждая секунда, проведённая без боеспособного товарища, делала их уязвимыми (хотя они уже и так сделали выбор пожертвовать большинством её боевой силы на этот день в обмен на больше печатей), и доверять Ли такую тонкую работу было сродни стрижке ногтей осадным орудием. Не то чтобы у Неджи были проблемы с физической работой как таковой — время, проведённое с Гаем-сенсеем, не оставляло ему выбора, кроме как постичь «сияющую славу расцвета юности» через постоянные физические нагрузки. Но были всё же и границы, и одной из них было обращение с субстанцией, которая

напоминала слизь в её худших проявлениях, и которую без всяких сомнений будет ужас как сложно отмыть с униформы. *** Орочимару хотел, чтобы он спас мир? Саске нравились его манги больше, чем он когда-либо признавал, но он всё же не был Наруто, и знал, где пролегла чёткая граница между вымыслом и реальностью. — Что это вообще значит? — требовательно спросил он. — На данный момент, — сказал Орочимару, — достаточно будет сказать, что надвигается кое-что очень опасное, и хорошо натренированный пользователь Шарингана будет ключевым элементом в предотвращении невыразимой катастрофы. Если ты желаешь деталей, я буду более чем рад поделиться ими в более безопасном месте. — Ты — преступник S-ранга, и даже не пытаешься притворяться не злым, — заметил Саске. — И ты говоришь, что хочешь мою силу только для использования во имя добра? Орочимару награбил его старым как мир уставшим взглядом: — Мда, тема змей и правда работает против меня, не так ли? — И всё же, — добавил он словно бы самому себе, — это бесконечно лучше чем слизни, или лягушки. — Но оставим на секунду в стороне тот факт, что конец света для меня будет ровно настолько же неприятен, как и для любого другого. Я не нахожу себя злым, мой дорогой Саске. Люди вообще не часто этим занимаются. Я видел лицо настоящего зла — Акацуки мало чего содержат, кроме него — и важным отличием является мотивация. Моя всегда была только гуманитарной. — И тем не менее, — продолжил он, — уже довольно поздно. Давай обсудим философию в другой раз. — Я предлагаю тебе шанс заполучить то, чего ты всем сердцем желаешь. С моей помощью ты станешь достаточно силён, чтобы победить Итачи — сам я не смог только за отсутствием Шарингана. И хотя в восстановлении клана я тебе не помощник, по крайней мере традиционными методами — насколько мне известно, среди моих ассистентов достаточно привлекательных женщин, и я лично могу поручиться за их генетическое превосходство. Саске интенсивно размышлял. — Почему я должен тебе доверять? Орочимару рассмеялся: — Мой милый мальчик, если бы я хотел тебя убить — ты был бы давно мёртв. Если бы я хотел тебя похитить — ты был бы на полпути к моей ближайшей базе. Разница в силе между нами настолько обширна, что у меня нет нужды обманывать тебя. — Теперь же я предлагаю тебе сделать свой выбор. Ты неплохо воспользовался моей склонностью к говорливости, но хороший шиноби учитывает в своём плане свои недостатки. Считай это своим вторым уроком. Считай также, что у меня было всё время этого мира, чтобы подготовиться к встрече с тобой и предпринять меры для обеспечения значительного количества времени, прежде чем кто-то сможет сюда приблизиться. Саске ругнулся про себя. Его и правда превосходили на порядок, и если Орочимару можно было верить, то помощи можно не ждать. Это значило, что его будущее будет решаться ответом, который он сейчас даст. Он не мог отрицать, что рассуждения Орочимару эхом копировали его собственные страхи. Итачи был гением, промчавшимся через Академию до звания джонина, а затем до статуса АНБУ быстрее, чем любой другой ниндзя в истории. Саске уже отставал от него по этому пункту. Ему понадобится какое-то преимущество — большое преимущество — чтобы хотя бы догнать Итачи по силе, не говоря уже о том, чтобы перегнать. Казалось, словно дилемма, которую он увидел, пока выслушивал лекцию Морино Ибики, вернулась снова терзать его, когда он даже не успел её обдумать в спокойствии. Он мог заполучить всё, что хотел, одним движением — но для этого ему надо было бросить людей, которые ему доверяли, и предать деревню. Если когда-то и существовал путь, на котором большими сияющими неоновыми буквами было написано «путь для становления следующим Учихой Итачи», то это он и был. И всё же, никому для этого не надо было умирать, и Саске в этот раз не был ослеплён своей ограниченностью. Присоединение к Орочимару было рационально лучшим решением для достижения его целей, и хотя Лист никогда бы не принял назад предателя, не было закона, по которому Саске не смог бы служить своей деревне извне, будучи ниндзя-отступником, как только выполнит свою миссию. Именно в такого Итачи он когда-то пытался верить, но того, что сделал его старший брат, не стоило никакое стратегическое преимущество. Кроме того, не то чтобы Саске не мог оставить какого-нибудь рода сообщение с извинением и объяснением своего решения (да и Итачи бы от такого не утрудился, нет?). Даже если бы они не простили его за предательство, подумал он, хотя бы

Наруто понял бы его. И если Наруто и правда станет Хокаге, у него наверняка будет власть помиловать Саске, или как минимум убрать его из списка преступников и тем самым оставить потенциал для какого-либо рода официальной кооперации. Или Саске мог сказать нет. Тогда он предал бы себя и свои амбиции, воткнул нож в спину человеку, которым он был все эти годы. Мог ли он пережить такое предательство? Смог бы жить жизнью, преисполненной вечного стыда за то, что он оказался трусом и лжецом, у которого не хватило убеждённости увидеть то, что важнее всего? Даже если другие будут превозносить его за его мудрость, он всегда будет знать, что он был человеком, которому нельзя было доверить достижение чего-то значимого, ниндзя, который не смог принести жертвы ради высшей цели. Это такого рода решения тяготили людей целыми жизнями, и иногда приводили к редкому явлению суицида шиноби? В то же время, у него была и другая часть, которую он не так давно пробудил из многих лет комы, и он знал, что она укрепитя после отказа от предложения Орочимару. Друзья. Семья. Место, где он нужен. Он провёл годы, фокусируясь целиком на мести, веря, что больше никогда не увидит этих вещей. А теперь событие за событием в его жизни всё больше заставляли его сомневаться, не были ли его убеждения самым большим препятствием к его счастью. Если он откажется от старого себя и позволит ему исчезнуть, был ли шанс того, что он найдёт нового получше за прыжком веры? Но не всё было так просто в мире шиноби. Если он откажется, позволит ли ему Орочимару остаться в живых? А Наруто и Сакуру? И если он согласится, были ли гарантии, что Орочимару — ниндзя-ветеран и известный предатель — не обманет его и не использует его согласие, чтобы подстроить ему какой-нибудь опустошительный конец? — Мне нужно время на размышление, — наконец сказал ему Саске. — Это не то решение, которое можно принять в один момент. Орочимару кивнул: — Я могу это понять. Но чем дольше ты ждёшь, Саске, тем больше будут сужаться опции, и в конце концов будет уже слишком поздно, возможно, даже для нас всех. — Когда у тебя будет ответ, оставь конверт в почтовом ящике закрытого магазина Хозяйственных Товаров Кусараги в Юго-восточном Районе. Белый — да, коричневый — нет. Содержание несущественно. Если ты согласишься, я устрою немедленное извлечение. — Если ты откажешься, будь уверен — никакого вреда тебе это не принесёт. Когда придёт время, я вполне уверен, ты сам изменишь своё решение. Если какие-то обстоятельства не позволят тебе использовать этот способ коммуникации, я скоро устрою другой. — Ах да, и ещё я хочу предостеречь тебя от сообщения об этом разговоре кому-то. Последние пару раз, когда я разговаривал с шиноби Листа один на один, они все подвергались объёмным, грубым и травмирующим тестам, чтобы удостовериться в том, что я не превратил их в ожидающих своего момента шпионов или в биологические оружия — словно у меня нет никакого чувства деликатности. Полагаю, в случае с кем-то значительно ценным вроде тебя они будут более снисходительны, но даже если тебя официально признают нормальным, ты никогда не избавишься от стигмы недоверия. И обнаружение Листом моего присутствия никоим образом не отразится на моих текущих планах. Иначе я бы выбрал другое время, чтобы встретиться с тобой. Орочимару двинулся в сторону Наруто. — Теперь осталось только разобраться с носителем демона, и затем я удалюсь. — Стой, — Саске встал у него на пути. — Ты не тронешь Наруто. Или Сакуру. Если ты конечно хочешь, чтобы я хотя бы начал рассматривать твоё предложение. Орочимару выглядел удивлённым: — Ты действуешь так, словно я хочу им навредить. Это последнее, чего я хотел бы добиться. Безопасность мальчишки — ключевой момент, и то, что Сарутоби-сенсей оказался достаточно безумен, что отпустил его на передовую, многое объясняет в приоритетах современного искажённого мира шиноби. То же самое, конечно же, можно сказать и в отношении тебя. — С чего бы тебе заботиться о Наруто? Ты планируешь использовать Демона-Лиса для собственной выгоды? — Понимаешь, — посетовал Орочимару, — в этом и состоит недостаток всей системы засекречивания информации. Её кураторы защищают информацию, которая должна доноситься с каждой крыши просто потому, что есть небольшой шанс того, что кто-то когда-то может использовать её во имя зла. — В первые же дни после смерти Отшельника Шести Путей, мой милый мальчик, люди решили избавить себя от Демонов-

Зверей, запечатывая их в носителей, которые потом совершали ритуальное самоубийство — так называемая «сила человеческой жертвы». Но они обнаружили, что после этого убитый Демон-зверь в конце концов реформируется — и что хуже, они словно адаптируются, всё более сокращая промежутки между возвращением после каждой «смерти». Именно поэтому убийство Демона-Зверя — худшее, что можно придумать, поскольку в итоге приведёт их к неуязвимости. Саске был шокирован. Если это правда, то как люди могли позволять носителям Демонов снова и снова выходить на поле боя? Каким узколобым нужно было быть, чтобы обменять временное преимущество на риск катастрофы через пару поколений? Или, пришло ему в голову, более чем немного его ужаснув, могли ли признанно супер-интеллектуальные Демоны-Звери сами каким-то образом манипулировать культурой шиноби, чтобы сделать такого рода вещи стандартной практикой? — Чтобы совладать с этой проблемой, пробовались многие подходы, — заметил Орочимару. — Заключение носителей в недоступные извне тюрьмы закончилось катастрофой. Целая жизнь в изоляции, хоть и благоприятной, прогрессивно разрушает обычный человеческий разум. Вдвойне так для разума, который испытывает немного, кроме как бесконечные попытки Демона-Зверя преодолеть печать и заполучить управление. Проигрыш становится лишь делом времени. В то же время, клеймо носителя демона, равно как и постоянная внешняя угроза похищения или убийства, делает невозможным для них вести невинную жизнь обычного человека. В конце концов, ведомые смесью сочувствия, прагматизма и неизбежного искушения, лидеры деревень выбрали использование носителей в битвах, под предлогом или отговоркой того, что они могут влиться в общество путём служения деревне. — Погоди, — в голову Саске пришла мысль, — отбросив это всё, почему Демоны-Звери не убивают сами себя, пока не вернутся снова? — Кто знает? — Орочимару поджал губы, явственно недовольный признанием в невежестве. — Самый естественный ответ — не могут, или есть цена их смерти, о которой мы не ведаем, или, возможно, у них есть какой-то моральный код, запрещающий любой вид суицида. Важно то, что существуют неизвестные ограничивающие их принципы, и мы должны считать это одним из малого количества источников надежды для человечества. Орочимару пару секунд был тих. — Кажется, я не опознал корректно твою мотивацию — неизбежный риск при использовании устаревшей информации. Позволь изменить условия моего предложения. Я не только хочу предложить тебе ученичество, мой милый Саске, но также и предлагаю убежище для двух твоих товарищей по команде. Как я и сказал, я крайне заинтересован в безопасном содержании Узумаки Наруто. Девушка не важна для моих планов, но если ты этого хочешь, я могу обеспечить ей необходимые тренировки и аугментацию, чтобы она стала тебе полезной. — Я... мне всё ещё нужно поразмыслить, — сказал ему Саске. Голова его шла кругом. Всё, чего он хотел — предполагая, что Орочимару говорит правду — без нужды предавать своих соратников? Это была возможность, которую он даже не мог начать оценивать. Но и не было смысла оценивать её, нехотя признал Саске. Для Наруто и Сакуры не было причин соглашаться, они теряли слишком много и получали слишком мало в сравнении с ним. В конце концов, зачем им нужно убежище, если они и так под защитой Листа? — Ты скоро обнаружишь, — голос Орочимару ворвался в его мыслительный процесс, — что в грядущих событиях деревня перестанет быть безопасным местом для тех, кто тебе близок. Если ты правда ценишь их жизни, то учти этот фактор в своих размышлениях. Тем временем же, в качестве жеста доброй воли, я проинструктирую своих ассистентов, что все трое из вас считаются потенциальными союзниками, и не должны претерпеть повреждений, выходящих за рамки моих реконструктивных способностей. — Итак, я должен удалиться, пока дорогая Анко не обнаружит закономерности в тишине, — сказал он. — Хорошо подумай о моём предложении, и о границе между осторожностью и трусостью. — Я буду ждать твоего ответа, и на данный момент желаю удачи на остаток этого бессмысленного предприятия. Фигура перед Саске распалась на тысячу крошечных змеек, которые затем быстро расползлись в темноте. Саске остался размышлять, говорил ли он вообще по-настоящему с человеком.

<http://tl.rulate.ru/book/28554/613971>